

Лобин Александр Михайлович

БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КАК МЕТОД РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА

В данной статье рассмотрены причины и тенденции эволюции исторической прозы в XIX-XXI веках. Охарактеризована новая стратегия репрезентации исторического материала в дискурсе XXI в. Выявлены характеристики читательской аудитории, определяющей содержание и форму современной исторической прозы. Рассмотрены основные черты исторической беллетристики как ее наиболее актуального направления. Описаны конспирологический и контрфактический принципы воплощения авторской концепции истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 32-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, в текстах Толстой и Сорокина частично совпадают скорее негативные аспекты национальной архаики. Продуктивные же её проявления в романе «Кысь» связаны с разного рода особенностями мифологического мышления, а в дилогии Сорокина располагаются скорее в эстетической плоскости. Переживание эклектической красоты русской архаики оказывается одним из способов существования внутри национального мира: «Описывать этот мир, искать для него метафору – тоже спасение. А для писателя здесь – Эльдorado. Гротеска всем хватит!» [8].

Список источников

1. Липовецкий М. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 848 с.
2. Липовецкий М. Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. 2013. № 120. С. 225-242.
3. Митрополит Иоанн (Снычёв). Быть русским! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/ioannsp2/Main.htm> (дата обращения: 02.05.2017).
4. Парамонов Б. М. Век опричника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/271861.html> (дата обращения: 02.05.2017).
5. Погорелая Е. Marche funèbre на окраине Китая [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2012. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/1/ро4.html> (дата обращения: 03.05.2017).
6. Сорокин В. Г. Гротеск стал нашим главным воздухом [Электронный ресурс] // Colta. 2012. 15 ноября. URL: <http://www.colta.ru/docs/9285> (дата обращения: 04.05.2017).
7. Сорокин В. Г. День опричника. М.: Захаров, 2009. 224 с.
8. Сорокин В. Г. «Для писателя здесь – Эльдorado» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.srkn.ru/interview/vladimir-sorokin-dlya-pisatelya-zdes-eldorado.html> (дата обращения: 03.05.2017).
9. Сорокин В. Г. Сахарный Кремль. М.: Астрель; АСТ, 2008. 349 с.
10. Сорокин В. Г. Темная энергия общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.srkn.ru/interview/spiegel.shtml> (дата обращения: 03.05.2017).
11. Толстая Т. Н. День. Личное. М.: Подкова, 2002. 384 с.
12. Толстая Т. Н. Кысь. М.: Эксмо, 2009. 368 с.
13. Толстая Т. Н. Легкие миры. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.

**THE RUSSIAN ARCHAIC CHARACTER IN T. TOLSTAYA'S NOVEL "THE SLYNX"
AND IN V. G. SOROKIN'S DILOGY "DAY OF THE OPRICHNIK" AND "KREMLIN MADE OF SUGAR"**

Greshilova Anna Valer'evna
Lomonosov Moscow State University
annagreshilova@gmail.com

In the article the novel by T. N. Tolstaya "The Slynx" and V. G. Sorokin's diology "Day of the Oprichnik" and "Kremlin Made of Sugar" are compared. While in general the artistic strategies of Tolstaya and Sorokin differ quite significantly, a number of unexpected parallels are possible between the novel and the diology: both authors refer to the problem of the Russian mentality. Particular attention is paid to the archaic models, since they are the basis for constructing the image of the national world both for Tolstaya's and Sorokin's works.

Key words and phrases: Tatyana Tolstaya; "The Slynx"; Vladimir Sorokin; "Day of the Oprichnik"; "Kremlin Made of Sugar"; Russian archaic character; image of national world.

УДК 821.161.1

В данной статье рассмотрены причины и тенденции эволюции исторической прозы в XIX-XXI веках. Охарактеризована новая стратегия репрезентации исторического материала в дискурсе XXI в. Выявлены характеристики читательской аудитории, определяющей содержание и форму современной исторической прозы. Рассмотрены основные черты исторической беллетристики как ее наиболее актуального направления. Описаны конспирологический и контрфактический принципы воплощения авторской концепции истории.

Ключевые слова и фразы: литература и история; русская литература XXI века; методы репрезентации истории; историческая беллетристика.

Лобин Александр Михайлович, к. филол. н., доцент
Ульяновский государственный технический университет
atlobin@yandex.ru

**БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КАК МЕТОД
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА**

Художественная историческая проза возникла в начале XIX века. Наиболее популярным и универсальным средством репрезентации истории для этого жанра стал метод художественно-исторический, в основе

которого лежит принцип реконструкции событий отдаленного прошлого путем творческого переосмысления первичного исторического материала (документы, мемуары, фольклорные тексты), а главным художественным принципом – историзм, понимаемый как наличие определенной концепции развития общества. Другими существенными признаками жанра являются тема, обращенная в прошлое, существенная отдаленность изображаемой эпохи, историчность и собственно-историческая проблематика [7, с. 209]. Критериями истинности реконструкции прошлого служили такие качества, как адекватное первоисточнику изображение исторических событий, а также точность в описаниях быта, пространства и времени [1, с. 10-12].

В XIX-XX веках историческая проза эволюционировала в общем русле развития литературы и общественного сознания [3, с. 3-8]. В результате социокультурных перемен 1980-1990-х годов, а также вследствие расширения постмодернистских концепций истории в 1990-х годах в русской литературе возникло представление о невозможности объективного отражения исторического процесса в литературе. «Переосмысливая историю, предлагая свои версии исторического процесса развития человечества, писатели утверждают две вещи: человеческое знание о человеке и человечестве относительно; литературная реальность, безусловно, выше реальности “логически осязаемой”», – писал в 2000 году Б. А. Ланин [8].

В конце XX в. интерес к прошлому в обществе заметно вырос, но художественное отражение исторического процесса качественно изменилось. Место традиционного исторического романа в литературном процессе заняли постмодернистский исторический роман, антиутопии, а также историческая беллетристика. При всех принципиальных различиях их общей чертой является активное использование фантастического вымысла, поэтому А. М. Эткинд ввел для характеристики таких произведений понятие «магический историзм», который «представляет прошлое не просто как “другую страну”, но как страну экзотическую и неразведанную, так и оставшуюся беременной нерожденными альтернативами и непременными чудесами» [9, с. 178].

Качественные изменения в художественно-историческом дискурсе рубежа XX-XXI вв. наиболее полно представлены в произведениях, относящихся к жанру исторической беллетристики. Наиболее популярными жанрами этого направления стали ретро-детектив, а также криптоисторический и альтернативно-исторический романы. Первые такие произведения были созданы еще в XIX – начале XX века: «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» М. Твена, «Светославич, вражий питомец» А. Ф. Вельтмана, «Пугачев-победитель» М. Первухина, «БЕСЦЕРЕМОнный РОМАН» В. Гиршгорна и др.

Но эти произведения в тот период были единичным и экспериментальным явлением, а историческая беллетристика как жанр отличалась от исторической прозы, прежде всего, установкой на развлекательность и качеством художественного исполнения. А. Ю. Сорочан писал, что «“грамотный” читатель рубежа веков открывает для себя историю в представлении низовых авторов, для которых собственно описание прошлого – лишь средство для репрезентации некоей востребованной и примитивной идеи» [15, с. 137].

В XX веке эта ситуация не изменилась, но в начале XXI столетия произошли качественные изменения. Прежде всего, изменился состав и культурный уровень читательской аудитории, оценку которой еще в 2001 г. дала критик И. Роднянская: «Это основательные, обеспеченные, продуктивные люди, для которых натренированность ума, цивилизованность вкуса, эрудированность в рамках классического минимума так же желанны, как здоровая пища, достойная одежда и занятия в фитнес-центрах...» [14, с. 174].

Специфика читательского спроса сформировала новую генерацию беллетристики, чаще называемую миддл-литературой. Одной из ее функций является поиск новой идеологии, базовые константы которой назвал критик Г. Циплаков: «Это направление ориентировано на конструктивное и по возможности скорое решение актуальных социальных противоречий сегодняшней России... Положительным героем этого направления является честный интеллеktуал, уважающий приватность, добродетель и долг... Соответственно, отрицательный герой – интеллеktуал бесчестный, который стремится любой ценой доминировать, манипулировать, зомбировать... Главный конфликт миддл-арта есть борьба цивилизации терпимого и разумного улучшения... и цивилизации нетерпимого и бесчеловечного разрушения» [17, с. 196].

Поэтому вслед за изменением авторской интенции трансформировались содержание, а также метод репрезентации прошлого, основанный на принципах конспирологического осмысления реальности и контрфактического моделирования.

Такой подход к истории России обусловлен острым недовольством историей реальной. Современные фантасты считают ее неправильной и представляют как результат «чудовищного эксперимента», некоего «сбоя» [4, с. 4]. Ими движет стремление переписать историю, представить свою версию событий, описать несбывшееся, но принципиально возможное. В этом процессе происходит становление в обществе новой ценностной иерархии, изменение критериев оценок и авторской интенции в целом [13, с. 3].

Конспирологическое мышление рассматривает историю в рамках теории заговора, изначально направленного против человечества: «Обычно под конспирологией подразумевается сфера знания, в которой история, особенно резкие ее повороты, рассматривается сквозь призму тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил – орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций и т.п.» [16].

Художественная конспирология исходит из представления о том, что все происходящее в мире имеет тайный смысл и производится на логически обоснованных основаниях. В процессе конструкции своего художественно-фантастического мира криптоисторика представляют вселенную как компактную упрощенную реальность, целостную систему, свободно управляемую с помощью магического обряда, технического средства или целенаправленной интриги, поэтому в рамках такого выстроенного мира все события логичны и связаны в единую причинно-следственную цепь. Созданная таким методом непротиворечивая и упорядоченная

реальность является, безусловно, заметно упрощенной и фантастической, тем не менее она может претендовать на серьезное восприятие не критичным читателем.

Выбор сюжета и жанра зависит от «удельного веса» конспирологической составляющей в художественном мире произведения. Прозаики, работающие в рамках традиционной теории заговора, создают ретро-детективы, изображающие тайные причины исторических событий как злую волю тайных обществ. К их числу относится большинство романов Б. Акунина из серии «Приключения Эраста Фандорина». В случаях, когда «виновниками» оказываются инопланетяне, пришельцы из будущего или иные разумные существа, авторы создают романы криптоисторические, к числу которых можно отнести «Фантастику» и «Детскую книгу» Б. Акунина, «Око силы» А. Валентинова, «Одиссей покидает Итаку» В. Звягинцева и др.

Контрфактическое моделирование представляет собой «междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучается потенциальное прошлое, выраженное в различных альтернативах. Термин “контрфактический” означает, что данные исследования работают не с фиксированными “фактами” (как традиционная историческая наука), а с альтернативными сценариями, не ставя под сомнение традиционную историческую хронологию» [10]. В наиболее упрощенном варианте они могут быть выражены формулой: «“Что было бы, если бы”. Например, что было бы, если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо?» [13, с. 46].

Контрфактические исследования – это научный метод, имеющий давнюю традицию. Для создания корректной методики научного анализа используются математические методы, а также создание статистических, аналитических и имитационных моделей [2]. В рамках контрфактических моделей рассматриваются возможности или вероятности иного течения исторических событий (определение значимых событий, перенос их во времени, продление действия и анализ возможных вариантов), а также роль личности в историческом процессе (продление жизни какой-либо исторической личности, ее гибель или перемещение).

В беллетристике этот метод реализован в жанре альтернативной истории, который моделирует целостную картину мира, получившуюся в результате иного хода истории. «Альтернативщики» описывают то, что могло произойти и произошло иначе, чем в известной истории, и породило цепочку последовательных изменений, которые, накапливаясь, создали новую реальность [11, с. 51-52; 12, с. 67-70]. Наиболее известными альтернативно-историческими проектами в исторической беллетристике стали циклы романов В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку» и Х. Ван Зайчика (В. Рыбакова, И. Алимова) «Евразийская симфония», а также романы А. Громова «Русский аркан» и В. Рыбакова «Гравилет “Цесаревич”», в которых представлен более благоприятный вариант развития российской истории.

Художественная форма исторической беллетристики подчинена одной цели – создать динамичный сюжет. Его необходимость вызвана самой природой беллетристики: кроме наличия оригинальной «версии» истории или «тайны», объясняющей историю реальную, историко-фантастический роман должен отличаться увлекательным содержанием, в котором «с героями постоянно происходит что-то неординарное, они все время попадают из одной переделки в другую, живут в ускоренном темпе. Обстановка вокруг них быстро меняется, им приходится принимать мгновенные решения, совершать необратимые поступки» [6, с. 234]. Магистральным сюжетом таких произведений становится, как правило, описание борьбы супергероя с теми, кто манипулирует человеческой историей, активное «прогрессорство», а также формирование личности героя в ходе этой деятельности.

Исторические концепции и сюжетная форма в историко-беллетристических произведениях взаимообусловлены. Конспирология и описание альтернативных моделей как метод объяснения истории предопределяют наличие приключенческой или детективной составляющей сюжета. Обязательная установка на остросюжетность и увлекательность заставляют писателей упрощать картину мира. Исторический процесс в их произведениях становится вариативным, дискретным и управляемым с помощью каких-либо технических средств или действий героев. Социальные и другие конфликты переводятся в разряд конфликтов личных, что влечет за собой их обязательную персонификацию, появление могущественного антагониста и, таким образом, устанавливает высокую роль личности в истории. Герой ретро-детektива или историко-фантастического романа наделяется сверхчеловеческими способностями, которые и позволяют ему выполнить взятую на себя миссию.

Таким образом, понятие исторической беллетристики в начале XXI века качественно изменилось. В XIX и XX веках оно характеризовалось художественной слабостью произведений, компенсируемой остросюжетностью и экзотизмом материала, а единичные историко-фантастические произведения представляли собой литературный эксперимент. В настоящее время историческая беллетристика отличается достаточно высоким качеством текста и уровнем эрудиции, а различные виды фантастических допущений становятся главным средством реализации авторской идеи. Беллетризация истории стала ведущим методом отражения прошлого в русской литературе вследствие трансформации художественной стратегии творчества.

В современном художественно-историческом дискурсе прошлое предстает не как цепь известных событий, связанных причинно-следственными или другими отношениями, а как нечто, не вполне упорядоченное, непостижимое и способное на метаморфозы. Поэтому внимание писателей оказывается направлено на поиск и интерпретацию спорных или малоизученных событий и лиц. Вследствие этого современные художественные концепции истории носят дискуссионный характер и не претендуют на истинность.

Закономерным следствием этих изменений в авторском историческом сознании стало формирование новой стратегии репрезентации истории, ориентированной на моделирование исторического процесса. Произведения, созданные в XXI веке, представляют собой художественные версии исторических событий. Они нацелены на формирование нового исторического сознания, поэтому отличаются ярко выраженной дискурсивностью.

Список источников

1. Абдуразакова Е. Р. Проблема хронотопа в историческом романе Д. Романенко «Ерофей Хабаров» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 10-13.
2. Бородин Л. И. Моделирование исторических процессов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soc-phys.chem.msu.ru/rus/prev/zas-2014-03-18/presentation.pdf> (дата обращения: 19.01.2017).
3. Бреева Т. Н. Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности: автореф. дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2011. 48 с.
4. Валентинов А. В. От автора // Валентинов А. В. Орфей и Ника. М. – СПб.: АСТ; Terra-Фантастика, 1997.
5. Демидов В. П., Демидова Е. Н. Историчность социального времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. С. 47-49.
6. Каплан В. Динамо-машина, или Вечный двигатель фантастики // Если. 2003. № 3. С. 234-241.
7. Кормилов С. И. Современный словарь-справочник по литературе. М.: АСТ, 1999. 704 с.
8. Ланин Б. А. Трансформация истории в современной литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/referats/5CBV9E5AAC6E40ADA2C679288E36E6EE> (дата обращения: 20.11.2016).
9. Липовецкий М. Н., Эткинд А. М. Возвращение тритона: советская катастрофа и постсоветский роман // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 174-206.
10. Нехамкин В. А. Контрфактические исторические исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/134125/> (дата обращения: 19.01.2017).
11. Осьмухина О. Ю., Махрова Г. А. Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х – 2000-х гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 4. Т. 1. Филология. С. 50-59.
12. Осьмухина О. Ю., Романов В. А. Роман альтернативной мифологии в контексте современного отечественного фэнтези (на материале «Боргильдовой битвы» Ника Перумова) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 2. Т. 1. Филология. С. 67-75.
13. Петухова Е., Чёрный И. Современный русский историко-фантастический роман. М.: Мануфактура, 2003. 136 с.
14. Роднянская И. Гамбургский ежик в тумане // Новый мир. 2001. № 3. С. 159-176.
15. Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской литературе XIX века. Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. 448 с.
16. Фурсов А. И. Конспирология – веселая и строгая наука [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4210/> (дата обращения: 19.01.2017).
17. Циплаков Г. Битва за гору Миддл // Знамя. 2006. № 4. С. 183-196.

**FICTIONALIZATION OF HISTORY AS A METHOD
OF HISTORY REPRESENTATION IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XXI CENTURY**

Lobin Aleksandr Mikhailovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ulyanovsk State Technical University
amlobin@yandex.ru

The article examines the motives and tendencies of historical prose evolution in the XIX-XXI centuries. The researcher characterizes the new strategy to represent historical material in the XXI century discourse, identifies readership characteristics which determine the content and form of the modern historical prose, analyzes the basic features of historical fiction as its most relevant trend, describes conSPIROlogical and counter-factual principles to implement author's conception of history.

Key words and phrases: literature and history; Russian literature of the XXI century; methods to represent history; historical fiction.

УДК 882

Исследование гендерного дискурса кавказоведческих произведений русских романтиков XIX века позволяет вывести закон соотнесенности понятий «мужественность» и «женственность» с потребностями исторического времени. Автор статьи на материале лиро-эпической поэмы М. Ю. Лермонтова «Беглец» крупным планом рассматривает образ социально активной, самоотверженной и героической матери, способной подавить свои биологические инстинкты в интересах этнического коллектива. Особое внимание уделяется вопросам интертекстуальной связи лермонтовской поэмы с фольклорными произведениями народов Северного Кавказа.

Ключевые слова и фразы: русская литература; романтизм; Лермонтов; Северный Кавказ; гендер; образ матери; социокультурный конструкт; интертекст.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aset.mankieva@mail.ru

**ГЕНДЕР КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «БЕГЛЕЦ»)**

Одной из малоразработанных и актуальных проблем в современном кавказоведении является гендерный дискурс, обстоятельное исследование которого во многом может пролить свет на специфику взаимоотношений